

Знаю Вас, повариха
 Ситанин, прочитав это письмо.
 Я все время не решаюсь
 Вам писать, но больше нет
 сил. Меня мало интересуют,
 но какой толк из этого,
 если меня считают мудаком
 о вашем недоверии ко мне.
 Киваюсь вам своей сгариной
 майером, которую я люблю
 как маму, всем самым доро-
 гим мне и близким, что
 я до последних двух лет
 ни о каких врагах наро-
 да, которых я все время
 никогда ни одно слово
 о политике не произноси-
 ла, а в последние 2 года
 как все партийные советские
 мне ноги ругала вас
 эту мерзостную банду, а
 они поддакивали. Это касалось
 моей психике у Аркусов ^{было 27/1/59}
 Я все меньше и меньше
 человек, которые могут под-
 твердить, что я писала у них
 и даже походы, а потом
 переехала в Иванов. Если бы
 они мне поправились, я бы
 не уехала от них. Факт тот,
 что я, узнав, кто писал
 Аркуса (был) послала
 за франшизу, чтобы ~~на~~ влезть
 (на работу)

летие, и разведанные на
меня, сказала Николаю
Ивановичу об этом, он по-
верил эти факты и рас-
порядился ~~отправить~~ у нас
заграничный паспорт.

Я не могу задерживать
Ваше внимание, корявые
книжки, и буду из повторений
повторить с вами. А фак-
тами из моей жизни пока
не мое отношение к врагам
народа, тогда еще не разоб-
лаченными. Моверин Сожми,
дорогой, мобильный, да да,
пусть я опорожена, окле-
тана, но вы для меня и
дорогой и мобильный, как
для всех людей, которые
бы верны. Пусть у меня
отпустили свободу науки,
я ~~не~~ все это приведу по
воле и права мобильная
я не отдам, как это сделаю
каждой, кто мобильный
ну и партия. А клянусь
Вам еще раз людьми, науки
счастливо близки и дорожи-
ли людей, кто я никогда
ничего не делала так, как
кто помнит меня своим
меня опорошить. В личной
науке были ошибки, о ко-
торых я могла бы Вам

рассказать и все из-за
ревматизма. Но это уже великое
как мне невозможно ста-
нело, поваруны. Сбавши,
какие врачи могут высе-
нить эти вздернутые нервы
от моих лет бессонницы,
этой воспаленный мозг,
этой глубокой дури. Выход
боль, от которой не знаем
куда бежать. А уверенность
не имеет права. Вот и
исху жовтко немало о
том, что я кастра перед
сиротой и Вами.

У меня ощущение нового
мира. Что делать?

Просите меня за письмо,
за и пишу я сама.

Просите, я не могла
больше выдержать.

В. Висова